

Никитина Надежда Евгеньевна

Брестский государственный университет

им. А. С. Пушкина

E-mail: ttt.iii@mail.ru

**«Романс» М. Богдановича в двух переводах на русский язык:
лингвистический аспект**

В статье проводится лингвистический анализ переводческих трансформаций, допущенных В. Корчагиным и Б. Спринчаном при переводе стихотворения М. Богдановича с белорусского языка на русский. Автор приходит к выводу, что трансформации в переводах не нарушают смысловый и эмоциональный аспекты оригинального текста.

Ключевые слова: художественный перевод, трансформации, М. Богданович, В. Корчагин, Б. Спринчан.

Ценно не сходство, а родство между переводом и оригиналом.

В. Б. Микушевич

В последние годы возрастает количество переводов произведений белорусской литературы на иностранные языки, а Союз писателей Беларуси имеет соглашения с объединениями литераторов из тридцати стран. Об этом говорил председатель Союза писателей Беларуси Николай Чергинец на международном симпозиуме «Писатель и время» в 2018 году [11]. Безусловно, вопрос художественного перевода входит в число тех, которые не теряют своей актуальности.

Творчество М. Богдановича, одного из классиков белорусской литературы, также является объектом постоянного внимания переводчиков со всего мира. К 120-летию со дня рождения поэта в 2011 году Белорусским фондом культуры издана серия из трех книг, посвященных стихотворениям «Романс», «Погоня», и «Слуцкие ткачихи» в оригинале и переводе на 9 языков. Включение «Романса» в эту серию не случайно, поскольку он является одним из самых переводимых произведений М. Богдановича. «Романс» переводили на английский (В. Рич, В. Мей), немецкий (Ф. Нойрайтер), испанский (А. Эспиноса), болгарский (Х. Попов, Н. Вылчев), сербский (Д. Лазаревич), украинский (Р. Лубкивский), литовский (А. Дрилинг), латышский (М. Асаре), польский (В. Ворошильский), грузинский (М. Джугубрия), армянский (Р. Цатурян), японский (К. Сибата) языки [5]. Однако наиболее активны в этом непростом деле переводчики на русский язык. На сегодняшний момент известны переводы А. Бараховича, А. Бачило, Г. Бедняева, Ф. Ефимова, П. Кобзаревского, В. Корчагина, А. Прокофьева, Б. Спринчана [5].

Языковые особенности переводов стихотворения «Романс» на другие языки исследовали Т. И. Жиркевич («Раманс М. Багдановіча ў двух перакладах на балгарскую мову»), М. В. Трус и К. Сибата («Паэзія Максіма Багдановіча ў перакладзе на японскую мову») и др. Однако остается открытым вопрос о специфике перевода этого произведения на русский язык, которая обусловила появление многочисленных русскоязычных вариантов этого поэтического произведения.

Основная цель любого художественного текста заключается в оказании определенного эмоционально-эстетического воздействия на читателя. Поэтому под художественным переводом понимается вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на языке перевода речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на реципиента, владеющего данным языком [4, с. 95].

Следовательно, в процессе перевода неизбежны трансформации исходного текста, направленные на сохранение авторского замысла. Основатель теории динамической эквивалентности перевода Ю. Найда (E. Nida) отмечает, что «все типы перевода включают в себя 1) потерю информации, 2) добавление информации и / или 3) искажение информации» [12, с. 27].

Цель данного исследования – проанализировать переводческие трансформации стихотворения «Романс» на примере переводов на русский язык В. Корчагина [2, с. 43–44] и Б. Спринчана [9, с. 39], а также сделать вывод о степени сохранения авторского замысла и эмоционального фона стихотворения в переводах. Приведем поэтические тексты оригинала стихотворения [9, с. 8] и его переводов.

М. Богданович (1)	В. Корчагин (2)	Б. Спринчан (3)
Зорка Венера ўзышла над зямлёю, Светлыя згадкі з сабой прывяла... Помніш, калі я спаткаўся з тобою, Зорка Венера ўзышла. З гэтай пары я пачаў углядацца Ў неба начное і зорку шукаў. Ціхім каханнем к табе разгарацца З гэтай пары я пачаў. Але расстацца нам час наступае; Пэўна, ўжо доля такая у нас. Мощна кахаў я цябе, дарагая, Але расстацца нам час. Буду ў далёкім краю я нудзіцца, Ў сэрцы любоў затаіўшы сваю; Кожную ночку на зорку дзівіцца Буду ў далёкім краю.	Тихо Венера взошла над землею, Снова отраду душе принесла. Помнишь, когда повстречались с тобою, Тихо Венера взошла? Мне с тех минут навсегда полюбилась В небе ночном голубая звезда. Пламя любви и надежды открылось Мне с тех минут навсегда. Но расставаться пора наступает; Видно, судьба наша – горю сестра... Крепко любил я тебя, дорогая, Но расставаться пора. Буду в далеком краю я скитаться, В сердце любовь сберегая свою; Каждую ночь звездой любоваться Буду в далеком краю.	Ярко Венера взошла над землею, Воспоминанья с собой привела, – Помнишь, при нашем знакомстве с тобою, Ярко Венера взошла. С этого вечера я с ней встречаюсь В час, когда в сини погаснет заря... Тихой любовью к тебе разгораюсь С этого вечера я. Но расставаться пора наступила, Видно, судьба к нам не очень добра. Как тебя, милая, крепко любил я, Но расставаться пора. Буду в далеком краю на Венеру С грустью смотреть я... Любовь затаю... В сердце лелеять надежду и веру Буду в далеком краю.

Глянь іншы раз на яе, – у расстанні Там з ёй зліём мы пагляды свае... Каб хочь на міг уваскрэсла каханне, Глянь іншы раз на яе...	Ночью взгляни на звезду – я в разлуке Взгляд твой любимый на небе найду. Чтоб хоть на миг позабылись все муки, Ночью взгляни на звезду!	Глянь же и ты иногда, дорогая, – Пусть же сольет наши взоры звезда, Вечным сияньем любовь воскрешая! Глянь же и ты иногда...

Как видно из текстов, оба переводчика начинают первую строфу с добавления наречия образа действия: *Зорка Венера ўзышла над зямлёю* (1) – *Тихо Венера взошла над землею* (2), *Ярко Венера взошла над землею* (2). В первом случае наречие *тихо* указывает на тихую грусть лирического героя, а наречие *ярко* во втором переводе символизирует яркость его воспоминаний. Оба этих аспекта прослеживаются в исходном тексте стихотворения. Опускание имени прилагательного *светлыя (згадкі)* при переводе компенсируется добавлением наречий *тихо* (2) и *ярко* (3).

Лексическая замена (использование вместо оригинального слова другой лексемы с аналогичной эмоциональной окраской) слова *згадкі* (букв. ‘воспоминания’) словом *отрада* сохраняет общее светлое настроение лирического героя, так как *отрада* – это ‘чувство удовольствия, радости, удовлетворения’ [7]: (Венера) *светлыя згадкі з сабой прывяла* (1), *воспоминанья с собой привела* (3) – снова *отраду* душе принесла (2).

Изменение грамматического субъекта действия в первой строфе с *я* на *мы* позволяет обоим переводчикам подчеркнуть духовное единство лирического героя и его возлюбленной: *я спаткаўся з табою* (1) – **(мы)** *повстречались с тобою* (2) – *при нашем знакомстве с тобою* (3).

При переводе второй строфы возникают следующие соответствия: *Ціхім каханнем к табе разгарацца / З гэтай пары я пачаў* (1) – *Пламя любви и надежды открылось / Мне с тех минут навсегда* (2) – *Тихой любовью к тебе разгораюсь / С этого вечера я* (3). Как видно из примеров, перевод Б. Спринчана более точен в формальном отношении, за исключением временной формы сказуемого: *пачаў разгарацца* (прош. вр.) – *разгораюсь* (наст. вр.). Семантика глагола *разгораться* (‘приходит в состояние сильного возбуждения, душевного подъема’ с оттенком ‘начинать испытывать какое-либо чувство, проникаясь им’ [8]) позволяет сделать вывод об эмоциональной равнозначности использованных конструкций. В. Корчагин использует другие средства передачи эмоционального состояния лирического героя: глагольное словосочетание *пачаў разгарацца (каханнем)* он заменяет именем *пламя любви и надежды*. Использование слов одной тематической группы (*разгарацца* (бел.), *пламя* (рус.)) сохраняет семантику повествования, при этом изменение субъекта

действия (*я → пламя*) позволило переводчику акцентировать внимание на чувствах лирического героя.

С целью придания важности моменту зарождения любви в сердце лирического героя оба переводчика обращаются к приему конкретизации: *з этой пары* (1) – *с тех минут* (2) – *с этого вечера* (3).

Прием описания дает Б. Спринчану возможность поэтизировать образ ночного неба: *неба начное* (1), *небо ночное* (2) – *в час, когда в сини погаснет заря* (3), а В. Корчагин добавляет к слову *звезда* эпитет *голубая* и тем самым подчеркивает ее контраст с темнотой ночного неба: *зорка* (1) – *голубая звезда* (2).

Во второй строфе исходного текста субъектом действия выступает лирический герой, в переводе В. Корчагина формальный субъект – звезда, а у Б. Спринчана – лирический герой, хотя логических субъекта в обоих переводах два: *я начаў углядацца* (1) – *мне полюбилась звезда* (2) – *я с ней встречаюсь* (3). Этим приемом переводчики подчеркивают важную роль Венеры в судьбе лирического героя.

При переводе третьей строфы оба переводчика изменяют вид инфинитива (*расстацца* (сов. вид) – *расставаться* (несов. вид)), а Б. Спринчан – ещё и время основного глагола (*наступае, наступает* (наст. вр.) – *наступила* (прош. вр.)). Несовершенный вид глагола *расставаться* подчеркивает болезненность и продолжительность этого процесса, а прошедшее время глагола *наступила* – его неизбежность: *Але расстацца нам час наступае* (1) – *Но расставаться пора наступает* (2) – *Но расставаться пора наступила* (3).

В поэтических строфах *Пэўна, ўжо доля такая у нас* (1) – *Видно, судьба наша – горю сестра* (2), *Видно, судьба к нам не очень добра* (3) наблюдается замена вводного слова *пэўна* с оттенком уверенности словом *видно* со значением ‘должно быть, по-видимому’. Во всех случаях сохраняется ощущение неизбежности расставания. Лексема *доля* в белорусском языке, как и в русском, имеет определенный негативный оттенок (ср. *нелёгкая доля, женская доля, выпасть на долю* и под.) по сравнению с нейтральным словом *лёс* (*судьба*). При переводе этот оттенок сохраняется благодаря использованию слов *горе* (2) и *не очень добра* (3).

Четвертая строфа начинается словами *Буду ў далёкім краю я нудзіцца, / Ў сэрцы любоў затаішы сваю* (1) – *Буду в далеком краю я скитаться, / В сердце любовь сберегая свою* (2) – *Буду в далеком краю на Венеру / С грустью смотреть я... Любовь затаю...* (3). Белорусская лексема *нудзіцца* имеет значение ‘тосковать, скучать, томиться’, так что в эмоционально-смысловом отношении к оригиналу ближе перевод *с грустью смотреть*

(3). В словаре Даля *скитальцем* называется бездомный, бесприютный человек [3], так что выбор глагола *скитаться* в контексте (2) представляется оправданным. Замена деепричастия *затаїўшы* глаголом *затаю* (3) в семантическом плане является точной, однако в таком случае добавочное действие становится основным. Глагол *сберечь* (2) в форме деепричастия употребляется в значении ‘*сохранять от потери, пропажи, похищения и т. п.; предохранять от опасности, гибели, уничтожения, смерти; сохранять в целостности и невредимости*’ [10], синонимичном исходному. Изменение вида деепричастия с совершенного на несовершенный в данном случае существенно не сказывается на эмоциональности строфы.

Далее лирический герой говорит, что будет каждую ночь смотреть на звезду, и автор при этом выбирает глагол *дзівіцца* (букв. ‘*смотреть с восхищением*’[1]). При переводах используются глагол *любоваться* (2) и словосочетание *с грустью смотреть* (3). Глагол *любоваться* (2) имеет значение ‘*рассматривать, наблюдать с удовольствием, с восхищением*’ [6, с. 336], что сближает его с оригиналом, однако чувство грусти (3) также органично вплетается в эмоциональную канву произведения.

В исходном тексте сердце лирического героя полно любви, как и в переводе В. Корчагина, а Б. Спринчан добавляет к этому чувству надежду и веру: *Ў сэрцы любоў затаїўшы сваю* (1), *В сердце любовь сберегая свою* (2) – *Любовь затаю...* / *В сердце лелеять надежду и веру* / *Буду в далеком краю* (3). Тем не менее, любовь, надежда и вера воспринимаются как единое целое, поскольку лирический герой надеется на встречу с любимой и верит в то, что Венера поможет им воссоединиться. Кстати, надежда выступает в паре с любовью и во второй строфе в переводе В. Корчагина: *Пламя любви и надежды открылось* / *Мне с тех минут навсегда* (2).

В последней строфе В. Корчагин (2) использует прием модуляции, при котором значения исходного слова и переводной единицы соотносятся как причина и следствие: *Каб хоць на міг уваскрэсла каханне* (1) – *Чтоб хоть на миг позабылись все муки* (2). Б. Спринчан поддерживает тему воскрешения любви, заданную М. Богдановичем, но делает субъектом действия звезду, подчеркивая ее важность для лирического героя: *Пусть же сольет наши взоры звезда, / Вечным сияньем любовь воскрешая!* (3). Из приведенной цитаты следует, что субъектом основного действия является звезда (*Пусть же сольет наши взоры звезда*), хотя в исходном тексте это лирический герой и его возлюбленная (*Там з ёй зліём мы пагляды свае*), а у Б. Спринчана – только лирический герой (*я в разлуке / Взгляд твой любимый на небе найду*). Однако эти

нюансы лишь укрепляют в сознании читателя неразрывную связь лирического героя, его возлюбленной и звезды Венеры.

Пунктуационное оформление текста также оказывает влияние на его эмоциональную составляющую. Так, М. Богданович трижды использовал многоточие, оставляя некоторые мысли недосказанными и позволяя читателю самому определиться с теми чувствами, которые он испытывает при прочтении. В переводе В. Корчагина многоточие встречается лишь один раз и не совпадает с исходным вариантом, зато появляются одно вопросительное предложение и одно восклицание, что свидетельствует о стремлении переводчика свести недосказанность к минимуму и в определенной степени управлять эмоциями читателя. В тексте Б. Спринчана употреблены 4 многоточия, и только одно из них совпадает с исходным, а также добавлено одно восклицание. Вероятно, переводчик стремился сохранить атмосферу недосказанности, заложенную в стихотворение автором, однако одновременно с этим он хотел придать повествованию бóльшую экспрессивность.

Таким образом, на основе проведенного лингвистического анализа оригинала стихотворения М. Богдановича «Романс» и двух его переводов на русский язык можно сделать вывод о том, что индивидуальное восприятие текста переводчиками, безусловно, оказывает влияние на их работу, каждый перевод своеобразен и неповторим, однако, допуская определенные трансформации, они стремятся следовать смысловому и эмоциональному фону, заложенному в стихотворении автором.

Литература

1. Беларуска-рускі слоўнік : у 3 т. [Электронный ресурс] / пад рэд. А. Лукашанца ; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. – 4-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2012. – Режим доступа : <https://slounik.org/krapivabr/15/130>. – Дата доступа : 21.02.2024.
2. Богданович М. Избранные произведения : перевод с белорусского. – М. : Гос. изд-во худ. лит., 1953. – 294 с.
3. Даль В.И. Скиталец // Словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovardalja.net/word.php?wordid=37783>. – Дата доступа : 21.02.2024.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М. : Высшая школа, 1990. – 253с.

5. Мышковец И.В. Самый знаменитый белорусский романс // Литературно-исторический журнал «Александръ» [Электронный ресурс]. – 2020. – 2 июля. – Режим доступа : <http://alexlib.ru/literatura/samyj-znamenityj-belorusskij-romans/>. – Дата доступа : 21.02.2024.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

7. Отрада // Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под общ. ред. С.А. Кузнецова. – Режим доступа : [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B0&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B0&mode=slovari&dicts[]=42). – Дата доступа : 21.02.2024.

8. Разгораться // Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Т.Ф. Ефремовой – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/234047/Разгораться>. – Дата доступа : 21.02.2024.

9. Раманс / Максім Багдановіч. – Мінск : Беларускі фонд культуры, 2011. – 47 с.

10. Сберегать // Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Т.Ф. Ефремовой – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/241320/Сберегать>. – Дата доступа : 21.02.2024.

11. Чергинец : количество переводов белорусской литературы на иностранные языки растет [Электронный ресурс] // БЕЛТА – Новости Беларуси. – 2018. – 1 мар. – Режим доступа : <https://www.belta.by/culture/view/cherginets-kolichestvo-perevodov-belorusskoj-literatury-na-inostrannye-jazyki-rastet-292167-2018/>. – Дата доступа : 21.02.2024.

12. Nida E. Language structure and translation. – Standford : Standford University Press, 1975. – 283 p.

Nikitina N.E.

Brest State University named after. A. S. Pushkin

“Romance” by M. Bogdanovich in two translations into Russian: linguistic aspect

The article provides a linguistic analysis of translation transformations made by V. Korchagin and B. Sprinchan when translating M. Bogdanovich’s poem “Romance” from Belarusian into Russian. The author comes to the conclusion that transformations in translations do not violate the semantic and emotional aspects of the original text.

Keywords: literary translation, transformation, M. Bogdanovich, V. Korchagin, B. Sprinchan.